

Для цитирования: Берсенёв В. Л. Ведущие центры исследования проблем экономической безопасности в России // Экономика региона. — 2019. — Т. 15, вып. 1. — С. 29-42

doi 10.17059/2019-1-3

УДК 332

В. Л. Берсенёв

Институт экономики УрО РАН (Екатеринбург, Российская Федерация; e-mail: colbers@bk.ru)

ВЕДУЩИЕ ЦЕНТРЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИИ¹

В центре внимания статьи — сопоставление исследовательских подходов к анализу проблем экономической безопасности территории в трех ведущих центрах — в Москве, Санкт-Петербурге и Екатеринбурге. Исследовательские центры в данном случае рассматриваются не как научные школы, а как аналоги зарубежных «незримых колледжей». Устанавливается, что для московских ученых-экономистов характерен глобальный подход к экономической безопасности, предполагающий рассмотрение проблемы на различных уровнях — от общегосударственного до уровня отдельного предприятия. При этом приходится выработать набор индикаторов (пороговых показателей) отдельно для каждого из уровней. Санкт-петербургские исследователи предпочитают узкоспециализированный подход, сосредоточившись на экономико-правовом анализе криминальных аспектов угроз экономической безопасности. На Урале преобладает региональный подход, однако экономическая безопасность территории оценивается не только в обобщенном виде, но и в отраслевом разрезе (энергетическая безопасность территории, социально-демографическая безопасность территории и т. д.). Еще одной особенностью анализа региональных аспектов экономической безопасности является широкое использование уральскими учеными-экономистами методов экономико-математического моделирования. Высказывается убеждение, что на базе диалектического сопоставления общего и особенного актуализируется необходимость достижения некоего теоретико-методологического консенсуса в плане дальнейшего исследования проблем экономической безопасности территории.

Ключевые слова: экономическая безопасность, диагностика, индикатор, мониторинг, вызовы и угрозы, меры противодействия

Введение

Экономическую безопасность принято рассматривать применительно к трем уровням субъектно-объектных отношений в хозяйственной сфере: территории (стране, региону), предприятию и человеку. Исторические источники, начиная с древневосточных трактатов и памятников философской и политической мысли античного мира, также свидетельствуют о том, что проблема обеспечения экономической безопасности во все времена затрагивала все три перечисленных уровня отношений, хотя и в разной степени, отдавая преимущество экономической безопасности территории (страны, региона) [1].

Приоритетное положение экономической безопасности территории в рамках данной триады объяснялось прежде всего тем, что на протяжении тысячелетий ключевыми детерминантами в этой сфере оставались военная мощь, поддержание законности и забота о вну-

треннем рынке, то есть функции, возлагаемые на органы власти и управления, но никак не на хозяйствующие субъекты или домохозяйства.

Даже рассмотрение различных аспектов экономической безопасности на международном уровне предполагало, что в центре возникающих при этом субъектно-объектных отношений оказывается национальное государство². Собственно говоря, необходимость подготовки специального доклада Генерального секретаря ООН по данной проблематике была обусловлена обострившимся в середине 1980-х гг. кризисом всей системы международных экономических отношений, в частности — противостоянием индустриальных и развивающихся стран в рамках так называемого «нового международного экономического порядка»³.

² Международная экономическая безопасность: Резолюция 40/173, принятая на 119-м пленарном заседании XL сессии ГА ООН 17 дек. 1985 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/484/00/IMG/NR048400.pdf?OpenElement>.

³ Доклад Генерального секретаря во исполнение резолюции 40/173 Генеральной Ассамблеи: Резолюция 41/184, приня-

¹ © Берсенёв В. Л. Текст. 2019.

Доклад был подготовлен и прочитан 4 июня 1987 г. на заседании Экономического и Социального Совета ООН. В нем Генеральный секретарь ООН Х. Перес де Куэльяр, проводя параллели между национальной и экономической безопасностью, акцентировал внимание на такой категории, как суверенитет, и отметил, что концепция суверенитета по-прежнему сохраняет жизненно важное значение для государств («*The concept of sovereignty remains vital to nation States: it is relatively recent in the history of the human race, and many minorities are still fighting for it*»)¹. Тем самым подчеркивалось, что забота об экономической безопасности на национальном уровне является суверенной обязанностью государства.

Как известно, практика восприятия государства в качестве единственно возможного обладателя суверенных прав получила развитие после заключения Вестфальского мира, завершившего долгую и кровопролитную Тридцатилетнюю войну (1618–1648). В конце XX столетия это положение было подвергнуто испытанию на прочность двумя противоположными по направленности процессами — глобализацией и регионализацией [2], однако государства как носители суверенитета по-прежнему остаются основными субъектами международных отношений. Более того, как отмечают зарубежные аналитики, глобализация даже способствует повышению эффективности управленческого аппарата отдельного государства, чтобы можно было адекватно реагировать на активизацию регионов и рост влияния международных неправительственных организаций, стандартов и иных институтов [3, p. 37–40].

Соответственно, и само понятие «экономическая безопасность» получило институциональное оформление, в первую очередь, на уровне государственных учреждений. В июне 1934 г. президент США Ф.Д. Рузвельт учредил Комитет по экономической безопасности («*Committee on economic Security*»). Основная миссия комитета заключалась в разработке системы всеобъемлющего социального страхования, при этом особое внимание уделялось

страхованию в случае безработицы и по достижении старости².

Иными словами, первоначально экономическая безопасность трактовалась преимущественно как безопасность личности. Вместе с тем комитет являлся составной частью механизма государственного регулирования американской экономики, то есть работал на экономическую безопасность государства. Также отмечается, что комитет занимался и сбором информации об экономическом и ином потенциале Германии, Японии, Италии, СССР и других стран, то есть осуществлял своего рода разведывательную деятельность в интересах предпринимательского сообщества США³.

В советской экономической науке и хозяйственной практике категория «экономическая безопасность» не нашла должного отражения, хотя в системе правоохранительных органов имелись соответствующие профильные подразделения. Достаточно вспомнить легендарные ОБХСС — отделы по борьбе с хищениями социалистической собственности в составе органов МВД СССР и аналогичные подразделения в системе КГБ СССР. Однако в содержательном плане экономическая безопасность как особое явление стала рассматриваться и анализироваться только с началом современной экономической реформы в России, то есть в первой половине 1990-х гг.

За прошедшие без малого три десятилетия накоплен значительный материал по концептуальному осмыслению экономической безопасности применительно к отечественным реалиям. Одновременно сложилась определенная нормативно-правовая база по регулированию возникающих при этом социально-экономических отношений и сформировалась совокупность исследовательских центров, в рамках которых экономическая безопасность предстает как базовый объект изучения в различных аспектах.

Цель настоящей статьи — выявить особенности анализа категории «экономическая безопасность» в ведущих научных центрах, занимающихся данной проблематикой, и на базе диалектического сопоставления общего и особенного выработать некий теоретико-методо-

тая на 100-м пленарном заседании XLI сессии ГА ООН 8 дек. 1986 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/501/20/IMG/NR050120.pdf?OpenElement>.

¹ Concept of international economic security: Report of the Secretary-General 4 June 1987 [Электронный ресурс]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N87/142/58/img/N8714258.pdf?OpenElement>.

² Social Security History [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ssa.gov/history/orghist.html>.

³ Семин Н. Л. Спецслужбы и крупный бизнес США [Электронный ресурс]. URL: <http://hrazvedka.ru/guru/specsluzhby-i-krupnyj-biznes-ssha.html>; Фомин А. Экономическая безопасность государства [Электронный ресурс]. URL: <http://www.intertrends.ru/twenty-four/012.htm>.

логический консенсус в плане дальнейшего исследования этого явления.

Центры или школы

Поскольку речь идет о научных центрах, следует оговориться, что под ними понимаются, во-первых, не территориальные подразделения Российской академии наук, а во-вторых — не научные школы во всем многообразии трактовок данного понятия, хотя по ряду признаков научные центры и научные школы могут восприниматься почти как синонимы.

Впрочем, следует также учитывать, что само по себе понятие «научная школа (школа в науке)» не имеет однозначного толкования среди ученых. Во многом это объясняется тем, что научные школы воспринимаются в двух ипостасях:

— как определенным образом сложившаяся и продолжающаяся развиваться на основе собственных теоретико-методологических принципов система научных взглядов (концепций, доктрин и др.);

— как научное сообщество, объединяемое формальными и неформальными связями и отношениями на базе единых (или содержательно близких) теории, методологии и методов исследования.

Помимо этого, неизбежно возникает стремление приписать научной школе еще и миссию школы образовательной, поскольку иерархия взаимоотношений и в научном сообществе в целом, и в отдельных творческих коллективах выстраивается и по линии «учитель (лидер) — ученики (последователи)». В частности, Е. З. Мирская, предлагая свою типологию научных школ, рассматривает данную миссию в качестве приоритетной. По ее мнению, научные школы могут быть представлены четырьмя типами:

1. Научно-образовательная школа.
2. Исследовательская школа.
3. Школа-направление.
4. Национальная школа [4, с. 247].

Однако в данной типологии научно-образовательная и исследовательская школа трактуются почти как синонимы, поскольку и в том, и в другом случае под ними понимается небольшой коллектив научных работников, сплоченных вокруг известного ученого и развивающих выдвинутые им идеи. Разница между ними заключается лишь в том, что лидеру научно-образовательной школы не всегда может предложить своим ученикам постоянную работу, и поэтому состав учеников (студентов, стажеров, аспирантов) периодически меняется, порож-

дая иллюзию «выпусков» из такого квазиучебного заведения.

В свою очередь, национальная школа как отражение этнического своеобразия какого-либо научного направления, сложившегося в результате вкладов отдельных научных школ разных типов, предстает как искусственная конструкция. В ряде случаев использование данного термина бывает правомерным, но, как правило, не все ученые из одной страны, занятые исследованиями в какой-то отрасли знаний, могут представлять единую национальную школу. К примеру, М. Г. Ярошевский в статье, открывавшей знаковый для советского науковедения сборник «Школы в науке» (1977), специально отмечал, что русская школа физиологии 1850–1870-х гг. не была идентична сообществу всех физиологов, работавших в России в этот период [5, с. 74].

Соответственно, только исследовательская школа и школа-направление в типологии Е. З. Мирской наиболее адекватно отражают природу феномена научных школ вообще. Разница между этими типами школ заключается в том, что в первом случае небольшой коллектив ученых, сплотившихся вокруг лидера, локально обособлен, а во втором — множество исследователей, не принадлежащих формально к одному коллективу, разрабатывают общую научную идею сходными методами. Кстати, тем самым снимается иллюзорное противоречие в восприятии научной школы как системы научных взглядов и как сообщества ученых, эти взгляды разделяющих.

Попытки снять это противоречие предпринимались и на институциональном уровне. С середины 1990-х гг. в России была развернута программа поддержки ведущих научных школ¹, получившая продолжение и в XXI в.² Под ведущей научной школой предлагалось понимать «сложившийся коллектив исследователей различных возрастных групп и научной квалификации, связанных проведением исследований по общему научному направлению и объединенных совместной научной деятель-

¹ О государственной поддержке ведущих научных школ Российской Федерации. Постановление Правительства Российской Федерации от 26 сент. 1995 г. № 957 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 40. Ст. 3816.

² О мерах по государственной поддержке молодых российских ученых — кандидатов наук и докторов наук и ведущих научных школ Российской Федерации. Постановление Правительства Российской Федерации от 27 апр. 2005 г. № 260 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 18. Ст. 1686.

ностью». Такая трактовка, сближающая понятия «научная школа» и «трудовой коллектив научно-исследовательского учреждения», была вполне объяснима, поскольку сама программа поддержки ведущих научных школ была направлена не на раскрытие творческого потенциала отдельных групп ученых, а на финансовую поддержку отечественной науки вообще.

Между тем формализация отношений снижает инновационную активность не только в хозяйственной, но и в научно-исследовательской деятельности. В противовес этому мировая практика организации работы научных коллективов породила такую форму сотрудничества ученых, как «незримый колледж».

О возможностях «незримых колледжей» писали еще авторы сборника «Школы в науке» [6, с. 119–125]. При этом, зарубежные аналитики иллюстрировали генезис «незримых колледжей», используя в качестве примера наукометрические показатели в том числе и советской математической школы сингулярности В.И. Арнольда [7, р. 152]. Проанализировав общее и особенное в содержании того и другого термина, И.Г. Дежина и В.В. Киселёва, пожалуй, наиболее точно отразили разницу между ними. Научные школы в России, как правило, привязаны к тем организациям, на базе которых они существуют, а «невидимые колледжи» возникают в результате нерегламентированных связей между учеными и потому не обязательно организационно оформлены [8, с. 43].

Впрочем, у всякого правила могут найтись исключения, по-своему его подтверждающие, поэтому крупные российские научные школы обычно не ограничиваются рамками базового научно-исследовательского учреждения. Поэтому можно говорить о некоей промежуточной форме содружества ученых, работающих по единой тематике, отличительным признаком которой является территориальная обособленность. Такие исследовательские центры, формирующиеся в пределах крупного города с академическими традициями, вбирают в себя черты как научных школ, так и «незримых колледжей». Им также свойственны три основных аспекта научной деятельности, выделяемых М.Г. Ярошевским — логический, социальный и психологический, а основной единицей анализа результативности работы выступает исследовательская программа (см., например [5, с. 13; 24]).

Всякая исследовательская программа отражает как общие представления об анализируемой проблеме, так и специфику восприятия отдельных ее нюансов конкретным твор-

ческим коллективом. В свою очередь, такого рода специфика определяется местоположением исследовательского центра, интеллектуальным потенциалом аналитиков, целевыми установками и т. д.

Поскольку специальность 38.05.01 — «экономическая безопасность» является востребованной у современных студентов, для выявления ведущих центров, ведущих исследования в данном направлении, целесообразно обратиться к соответствующим статистическим показателям. На сайте «Вузотека.ру» содержится информация, согласно которой всего в Российской Федерации насчитывается 163 высших учебных заведения, имеющие специальность «Экономическая безопасность». 21 из них располагается в Москве, 7 — в Санкт-Петербурге, а далее идут Воронеж, Ростов-на-Дону, Краснодар (все — по 6) и другие крупные вузовские центры страны¹.

Екатеринбург на этом фоне смотрится скромно, поскольку представлен всего тремя вузами, однако вопросы обеспечения экономической безопасности на региональном уровне являются одним из ведущих направлений исследовательской деятельности в Институте экономики Уральского отделения Российской академии наук. Тем самым сотрудничество вузовских и академических ученых порождает феномен отдельного центра изучения проблем экономической безопасности. Само собой разумеется, что в Москве и Санкт-Петербурге наблюдается аналогичная картина, и поэтому можно провести компаративный анализ исследовательских программ по проблемам экономической безопасности трех этих центров как наиболее крупных и известных в стране.

Глобальный подход

Формирование московского центра изучения проблем экономической безопасности в 1990-х гг. было обусловлено как общенаучными потребностями в анализе тенденций и явлений, сопровождавших переход «от плана к рынку», так и своеобразным заказом со стороны высших органов власти и управления, нуждавшихся в осмыслении новых реалий, включая обозначившиеся с началом экономической ре-

¹ Вузы России со специальностью «Экономическая безопасность» — 38.05.01 [Электронный ресурс]. URL: <http://vuzoteka.ru/%D0%B2%D1%83%D0%B7%D1%8B/%D0%AD%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F-%D0%B1%D0%B5%D0%B7%D0%BE%D0%BF%D0%B0%D1%81%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C-38-05-01>.

формы вызовы и угрозы национальной безопасности. Иными словами, столичные ученые-экономисты были обречены на обращение к новой для себя проблематике исследований в том числе и благодаря «близости к власти».

В.С. Паньков указывает, что первое указание на разработку концепции экономической безопасности России со стороны Министерства экономики РФ был дано в начале 1992 г. Всероссийскому научно-исследовательскому институту внешнеэкономических связей. Возглавляемая им исследовательская группа представила концепцию в сентябре 1992 г., однако данная разработка после формального одобрения не нашла никакого практического применения [9, с. 109].

Тем не менее, в ходе этой работы категория «экономическая безопасность» была институционализована, то есть получила официальный статус применительно к отечественной экономике и обрела первые дефиниции. В частности, В.С. Паньков в том же 1992 г. предложил понимать под национальной экономической безопасностью такое состояние национальной экономики, которое характеризуется ее устойчивостью, «иммунитетом» к воздействию внутренних и внешних факторов, нарушающих нормальное функционирование процесса общественного воспроизводства и тем самым вызывающих повышенную социальную напряжённость в обществе, а также угрозу самому существованию государства [10, с. 26].

Следует отметить ключевые характеристики национальной экономики в рамках данного определения — устойчивость и способность противостоять внутренним и внешним угрозам. Здесь явно прослеживается влияние принятого в марте того же года Закона РФ «О безопасности»¹, в котором базовое понятие трактовалось как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз.

Дальнейшее возрастание интереса к этой проблематике было обусловлено началом работы над государственной стратегией экономической безопасности России. Своеобразным отражением интеллектуальной мобилизации в этой сфере стала подборка статей журнале «Вопросы экономики» № 12 за 1994 г. С этого времени уже можно говорить о том, что у экономической безопасности не может быть еди-

ного и общепринятого определения, поскольку каждый исследователь акцентирует внимание лишь на определенной группе аспектов этого многогранного явления.

К примеру, директор Института экономики РАН, академик Л.И. Абалкин выделял три важнейших элемента проблемы, включая экономическую независимость страны, стабильность и устойчивость национальной экономики, способность к саморазвитию и прогрессу [11, с. 5]. В то же время сотрудники того же института Е. Бухвальд, Н. Гловацкая и С. Лазуренко понимали экономическую безопасность как характеристику экономической системы, определяющую ее способность поддерживать нормальные условия жизнедеятельности населения, устойчивое обеспечение ресурсами развития народного хозяйства, а также последовательную реализацию национально-государственных интересов России [12, с.25]. В данном случае идея устойчивости уже сочеталась с необходимостью заботы о человеке. Другой коллектив авторов, наоборот, первоочередное внимание уделял вопросам эффективности, утверждая, что экономическая безопасность — это способность экономики обеспечивать эффективное удовлетворение общественных потребностей на национальном и международном уровнях [13, с. 38].

При всем разнообразии мнений московские ученые-экономисты сходились в признании необходимости реализации первоочередных шагов по укреплению экономической безопасности России, включая определение системы индикаторов, позволяющих заблаговременно сигнализировать о грозящей опасности [11, с. 7; 12, с. 27–35], организацию мониторинга, то есть отслеживания, анализа и прогнозирования важнейших групп экономических показателей [14, с. 17], характеристику угроз [13, с. 39–40] и выработку мер противодействия этим угрозам [13, с. 40–44; 15].

В обобщенном виде эти предложения нашли отражение в разделе IV «Меры и механизмы экономической политики, направленные на обеспечение экономической безопасности» Государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации, утвержденной указом президента РФ от 29 апреля 1996 г. № 608². В качестве главной цели стратегии провозглашалось «обеспечение такого развития экономики, при котором созда-

¹ О безопасности. Закон РФ от 5 марта 1992 г. № 2446–1 // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1992. № 15. Ст. 769.

² О Государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации (Основные положения). Указ Президента РФ от 29 апр. 1996 г. № 608 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 18. Ст. 2117.

лись бы приемлемые условия для жизни и развития личности, социально-экономической и военно-политической стабильности общества и сохранения целостности государства, успешного противостояния влиянию внутренних и внешних угроз».

Однако в целом деятельность государства по обеспечению экономической безопасности сводилась к выявлению случаев отклонения параметров экономического развития от пороговых значений, организации работы в целях реализации комплекса мер по преодолению или недопущению возникновения угроз экономической безопасности и экспертизе принимаемых решений по финансовым и хозяйственным вопросам. Сами параметры (пороговые значения) в стратегии не устанавливались, хотя отмечалось, что они должны отражать:

- динамику и структуру валового внутреннего продукта, показатели объемов и темпов промышленного производства, отраслевую и региональную структуру хозяйства и динамику отдельных отраслей, капитальные вложения и т. п.;

- состояние природно-ресурсного, производственного и научно-технического потенциала страны;

- способность хозяйственного механизма адаптироваться к меняющимся внутренним и внешним факторам (темпы инфляции, дефицит государственного бюджета и т. п.);

- состояние финансово-бюджетной и кредитной систем;

- качество жизни населения.

Кстати, тем самым центры по изучению проблем обеспечения экономической безопасности получили программную установку по разработке своих комплексов нормативов (пороговых значений) с конкретными числовыми показателями.

В рамках всякого неформального центра по анализу какой-либо крупной проблемы неизбежно будет выделяться лидирующая исследовательская группа, способная обобщить и представить в концентрированном виде весь спектр мнений, характерных для данного центра. В Москве в качестве такой группы-лидера можно было выделить творческий коллектив, сложившийся вокруг д. э. н., профессора В.К. Сенчагова, с 1995 г. руководившего Центром финансово-банковских исследований Института экономики РАН.

Результатом деятельности данного коллектива стала серия монографий с общим названием «Экономическая безопасность» [16, 17], а также профильный учебник, выдержавший не-

сколько переизданий [18]. Если рассматривать эти и другие публикации как реакцию московских специалистов на недостаточную концептуальную проработанность Государственной стратегии экономической безопасности РФ 1996 г., то можно утверждать, что тем самым она была подкреплена процессным подходом к проблеме в целом.

Логика процессного подхода отражалась в комплексе действий на трех последовательно сменяющих друг друга уровнях:

- стратегического планирования деятельности по обеспечению экономической безопасности (концепция и стратегия национальной и экономической безопасности);

- анализа текущего состояния в сфере экономической безопасности (индикаторы экономической безопасности, угрозы экономической безопасности и т. д.);

- организации деятельности по противодействию угрозам экономической безопасности (нормативно-правовое обеспечение экономической безопасности, система органов по обеспечению экономической безопасности).

В рамках этой логики и сама экономическая безопасность воспринималась как результат деятельности по ряду направлений: «Сущность экономической безопасности можно определить как такое состояние экономики и институтов власти, при котором обеспечивается гарантированная защита национальных интересов, социально направленное развитие страны в целом, достаточный оборонный потенциал даже при наиболее неблагоприятных условиях развития внутренних и внешних процессов» [18, с. 72].

Особая роль в обеспечении экономической безопасности отводилась органам власти и управления: «Защищенность национальных интересов обеспечивается готовностью и способностью институтов власти создавать механизмы реализации и защиты интересов развития отечественной экономики, поддержания социально-политической стабильности общества» [18, с. 72].

Столь глобальный подход к пониманию проблемы не мог не вызвать возражения. В.С. Паньков справедливо указывает, что поддержание социально-политической стабильности и обеспечение экономической безопасности — задачи разные не только по объему и составу инструментария, необходимого для их решения, но и разновекторные, не совпадающие по сферам общественных отношений [9, с. 116].

Тем не менее, в рамках московского центра экономическая безопасность анализиро-

валась и в отраслевом разрезе (с выделением финансовой безопасности в качестве приоритетной), и с учетом территориальной иерархии (международный, национальный и региональный уровни), и в отношении юридических и физических лиц, фирм и отдельных людей как объектов социальной политики. Столь глобальный подход неизбежно порождает большое количество специализированных наборов индикаторов (пороговых значений) применительно к каждому из подвидов экономической безопасности, что затрудняло восприятие всей системы как единого механизма обеспечения экономической безопасности России.

Более того, и конкретные практические предложения при таком подходе превращались в набор пожеланий общего характера. К примеру, признавался тот факт, что после принятия в 1996 г. Государственной стратегии экономической безопасности так и не был создан действенный механизм анализа текущей ситуации, и, соответственно, предлагалось признать диагностику и мониторинг важнейшими элементами государственной деятельности, учитывать результаты мониторинга экономической безопасности при разработке прогнозов социально-экономического развития страны разрабатывать меры по парированию, преодолению и снижению уровня угроз экономической безопасности, выявленных в ходе мониторинга [18, с. 805].

В свою очередь, организационную систему механизма обеспечения экономической безопасности должны были составлять органы законодательной, исполнительной и судебной властей, общественные и иные организации и объединения, то есть обычный набор институтов, отвечающих за результат лишь в пределах своих полномочий, но не в масштабах осознания проблемы в целом. Особо подчеркивалась роль законодательства, регламентирующего отношения в сфере безопасности. Но и здесь акцент делался на разработку таких документов, как ежегодные послания Президента Федеральному Собранию, стратегии и основные направления социально-экономического развития страны на долгосрочный период, кратко- и среднесрочные прогнозы социально-экономического развития России, бюджетные послания и проекты государственного бюджета, основные направления денежно-кредитной политики. Предполагалось, что защита экономической безопасности страны должна стать неотъемлемой, органичной частью на всех стадиях и этапах разработки этих документов [18, с. 808, 809].

Таким образом, в рамках московского центра исследования проблем экономической безопасности была обоснована логика анализа, выявлены разнообразные особенности проявления данного феномена в отраслевом, территориальном и иных аспектах, предложены наборы индикаторов для оценки ситуации и т. д. Однако столь глобальный подход не сопровождался разработкой конкретных механизмов, обеспечивающих экономическую безопасность страны, региона, предприятия и человека.

Узкоспециализированный подход

Примером узкоспециализированного подхода к исследованию проблем экономической безопасности является деятельность центра, сформировавшегося на базе Санкт-Петербургского государственного экономического университета. Кафедра экономической безопасности была сформирована в составе факультета бизнеса, торгового дела и экономической безопасности СПбГЭУ всего лишь в апреле 2016 г., но это объясняется тем, что и сам университет образовался сравнительно недавно в результате объединения ряда профильных высших учебных заведений города. Предшественницей кафедры экономической безопасности была кафедра страхования и управления рисками, что предопределило и круг вопросов, исследуемых санкт-петербургскими специалистами в сфере экономической безопасности. В их числе выделяются выявление и предотвращение рисков и угроз интересам национальной экономики и интересам хозяйствующих субъектов, особенно в условиях глобализации мирового хозяйства, о чем свидетельствует и базовое определение: «Экономическая безопасность государства — это состояние защищенности национального хозяйства от внешних и внутренних угроз, при котором оно способно обеспечивать поступательное развитие общества, его экономическую и социально-политическую стабильность даже в условиях наличия неблагоприятных внешних и внутренних факторов» [19, с. 21].

Как правило, риски и угрозы экономической безопасности образуют исчерпывающий перечень в соответствующих нормативных актах федерального уровня. К примеру, в Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г., утвержденной в мае 2017 г.¹, перечисляются

¹ О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года. Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 20. Ст. 2902.

25 вызовов и угроз экономической безопасности страны, включая даже «установление избыточных требований в области экологической безопасности».

Санкт-петербургские ученые обосновали показатель, который не расширяет данный перечень, но, наоборот, обобщает ситуацию, выраженную сразу в нескольких его пунктах (исчерпание экспортно-сырьевой модели экономического развития, отсутствие российских несырьевых компаний среди лидеров мировой экономики, ограниченность масштабов российского несырьевого экспорта и др.). Речь идет о предложенном д. э. н., профессором Т.И. Безденежных показателе «нефтегазового дефицита» [20, с. 8–9]. Этот показатель, отражая в динамике зависимость доходной части федерального бюджета от нефтегазовых доходов, наполняет конкретным содержанием многочисленные сетования на несовершенство отраслевой структуры российской экономики.

Вместе с тем следует признать, что анализ вызовов, рисков и угроз экономической безопасности в рамках Санкт-Петербургского центра представлен большей частью не на уровне страны (региона), а в основном применительно к предпринимательской деятельности на уровне отдельного хозяйствующего субъекта [21, 22]. К территориальным аспектам категории «экономическая безопасность» больше тяготеют исследования д.э.н., профессора Р.В. Дронова, занимающегося криминальной составляющей существующих рисков и угроз отечественной экономике.

В частности, в качестве основной причины дисфункций в процессе реализации современной экономической реформы в России Р.В. Дронов называет коррупцию. По его мнению, в основу политики противодействия коррупции в 1990-е гг. была положена стратегия сознательной пассивности, предполагающая, что это негативное явление исчезает само по себе по мере развития государственных институтов и гражданского общества. Отсюда рынок рассматривался как идеальная саморазвивающаяся система, способная самостоятельно минимизировать коррупционные явления [23, с. 20]. Как следствие, коррупция в правоохранительных органах представляет в настоящее время угрозу национальной безопасности, а коррупция в органах власти и управления на всех уровнях — угрозу экономической безопасности.

Однако предлагаемые представителями Санкт-Петербургского центра исследования проблем экономической безопасности меры

по противодействию коррупции отличаются преимущественно административно-правовым характером (повышение социальной защищенности сотрудников силовых служб, улучшение кадрового состава государственных служащих, включая формирование высококвалифицированного резерва кадров, развитие института аттестации государственных служащих и т. д.) [24, с. 46–47].

В числе иных угроз экономической безопасности Санкт-Петербургские экономисты выделяют теневую экономику [25], недобросовестную конкуренцию со стороны иностранных торговых партнеров, неконтролируемый вывоз капитала и т. д. Активизации аналитической деятельности применительно к этим явлениям призвано поспособствовать создание в составе СПбГЭУ Института экономической безопасности во главе с Р.В. Дроновым. Этот институт одновременно является подразделением Университетской лиги Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ), и в число его задач входят:

- проведение междисциплинарных прикладных исследований угроз экономической безопасности на евразийском пространстве и создание практических механизмов системного мониторинга этих угроз;

- изучение влияния межэтнического и иных факторов, общих для всех стран — членов ОДКБ, на безопасность этих стран в экономической и смежных областях;

- разработка прикладных методик, позволяющих органам государственной власти и управления стран — членов ОДКБ эффективно выявлять и предотвращать риски и угрозы для национальных интересов в условиях глобализации мировой экономики.

Таким образом, узкоспециализированный подход к исследованию проблем экономической безопасности, практикуемый в Санкт-Петербурге, дополняет глобальное видение угроз национальной экономике анализом тенденций, составляющих объект и предмет исследования смежных дисциплин, в частности — права. Тем самым исследования в сфере экономической безопасности получают дополнительное методологическое и методическое обеспечение.

Региональный уровень

На Урале начало исследований в сфере экономической безопасности принято относить к 1989 г., когда по ходу дискуссии о правомерности и обоснованности использования категории «территориальный хозрасчет» возникла

идея разработки системы диагностики и мониторинга состояния экономики и социальной сферы региона по ключевым показателям. В качестве головной организации, мобилизующей для выполнения различного рода научно-исследовательских работ интеллектуальный потенциал преподавателей и сотрудников уральских вузов, выступил Институт экономики Уральского отделения АН СССР (ныне — УрО РАН).

В деятельности уральского центра исследования проблем экономической безопасности изначально прослеживался ряд специфических особенностей. Во-первых, все направления НИР подкреплялись соответствующим государственным заказом со стороны Правительства РФ, отдельных федеральных министерств и ведомств, а также органов власти и управления ряда субъектов Федерации. Во-вторых, хотя на факультете экономики и управления УГТУ-УПИ им. С.М. Кирова совместно с ИЭ УрО РАН была создана кафедра экономической безопасности, выпускались различные учебные пособия [26] и т. д., эта сфера деятельности не входила в число приоритетов. В-третьих, при проведении исследований широко использовался аппарат экономико-математического моделирования, а разрабатываемые при этом программные комплексы проходили процедуру официальной регистрации. Наконец, в-четвертых, несмотря на разнообразную тематику НИР, различные территориальные рамки анализа и специфические требования со стороны организаций — заказчиков исследований, в центре внимания уральских экономистов всегда находился регион.

Объяснялось это тем, что, с одной стороны, отдельно взятая территория выступает полигоном, где наблюдаются локализованные социально-экономические, экологические, демографические и прочие процессы, которые могли угрожать экономической безопасности страны в целом. С другой стороны, территория в рамках утвержденного круга полномочий превращается в самостоятельного субъекта общенациональных процессов, проводника собственной экономической политики. Отсюда и под экономической безопасностью субъекта Федерации (региона) предлагалось понимать «совокупность текущего состояния, условий и факторов, характеризующих стабильность, устойчивость и поступательность развития экономики территории, органически интегрированной в экономику Федерации, как относительно самостоятельной структуры» [27, с. 78–79].

Соответственно, деятельность региональных органов власти и управления в сфере обеспечения экономической безопасности, с точки зрения уральских исследователей, должна была включать в себя:

— выявление и мониторинг факторов, способных влиять на устойчивое развитие территории;

— формирование региональной экономической политики с выделением институциональных приоритетов и преобразований в рамках общегосударственной стратегии экономической реформы;

— предотвращение дискриминации со стороны федеральных органов по отношению к территории, обеспечение паритетного участия в реализации федеральных программ развития регионов, размещении государственных заказов и т. п. [27, с. 79].

Уже к 1995 г. для всех регионов России (за исключением Чеченской Республики) была получена диагностическая картина состояния двенадцати сфер жизнедеятельности: инвестиционной, производственной, научно-технической, внешнеэкономической, финансовой, энергетической и демографической безопасности, сфер рынка труда и уровня жизни, правопорядка, продовольственной и экологической безопасности. Разработанная при этом методика расчетов стала типовой, а выпущенная по итогам выполнения правительственного задания монография «Экономическая безопасность региона: единство теории, методологии исследования и практики» [28] открыла перечень знаковых публикаций уральских ученых-экономистов по данной тематике¹.

В числе отраслевых приоритетов исследований практически сразу же выделилась проблема обеспечения энергетической безопасности. Во многом это было обусловлено тем, что Институт экономики УрО РАН с середины 1990-х гг. наладил сотрудничество с Институтом энергетической стратегии и по заданию Минтопэнерго России приступил к исследованиям в рамках подпрограммы «Энергетическая стратегия и безопасность России» — составной части Федеральной целевой программы «Топливо и энергия». Для решения поставленных задач был разработан специальный математический аппарат, запа-

¹ С учетом общего числа опубликованных на Урале за прошедшие 20 лет монографий по экономической безопасности не может не вызывать удивления утверждение В.С. Панькова, что после 1998 г. ничего значимого по данной проблематике из печати не выходило [9, с. 116–117].

тентованный как «Способ оценки многопараметрического объекта (варианты), средство вычислительной техники и носитель данных для осуществления способа» (патент на изобретение № 2271560). Как один из результатов, в 1998 г. увидела свет коллективная монография «Влияние энергетического фактора на экономическую безопасность регионов Российской Федерации» [29], а еще через год группа ученых под руководством члена-корреспондента РАН А.И. Татаркина, директора ИЭ УрО РАН, была удостоена премии Правительства России в области науки и техники.

В дальнейшем, уже в 2000-е гг., выполнялась работа по темам «Разработка методов анализа энергетической безопасности регионов РФ и оценка влияния экономических факторов ее обеспечения», «Разработка предложений по совершенствованию региональной энергетической политики с учетом формирования системы государственного прогнозирования социально-экономического развития страны и ее регионов» и др. Полученные оценки позволили предложить направления и меры государственного регулирования региональной энергетической политики по оздоровлению ситуации, нейтрализации угроз, повышению иммунитета территорий к действию кризисных явлений и повышению уровня их энергетической безопасности. Рекомендации по совершенствованию региональной энергетической политики были учтены при создании «Энергетической стратегии России».

Разумеется, уральские исследователи проблем экономической безопасности не могли оставить без внимания такое явление, как теневая экономика. Работа в данном направлении выполнялась по поручению Федеральной налоговой службы, а ее главная цель заключалась в получении количественных оценок ущерба, наносимого теневым сектором хозяйственному комплексу региона.

В ходе реализации проекта была обоснована методология оценки теневой экономики и определения направлений минимизации ее негативных воздействий на социально-экономическое развитие региона, а также разработана методика оценки взаимовлияния теневой и «официальной» экономики. Воздействие теневой экономики предлагалось определять посредством оценки ущерба, наносимого региону, по следующим компонентам: производственной и торговой, инвестиционной, финансовой, бюджетной, социальной, экологической, транзакционной (программный комплекс «Оценка ущерба, наносимого теневой

экономикой территориям различного уровня» № 2011612645).

Логическим результатом исследования стала концепция минимизации негативного влияния теневой экономики на социально-экономическое развитие региона, состоящая в формировании регулирующих воздействий на хозяйствующие субъекты, дифференцированных в зависимости от степени их вовлечения в теневую экономическую деятельность. Избирательность воздействий обеспечивается в результате определения приоритетных направлений на основе объективных критериев, формируемых системой мониторинга теневой экономики региона. В рамках концепции на основе сценарного анализа ее реализации были разработаны меры по либерализации регионального законодательства, регулирующего хозяйственную деятельность, и административных регулирующих воздействий с учетом их оптимального соотношения [30–32].

Помимо этого, в рамках уральского центра изучения проблем экономической безопасности (кстати, соответствующее подразделение ИЭ УрО РАН с 2007 г. носит название Центр экономической безопасности) анализировались вопросы социально-демографической безопасности [33], различные аспекты влияния трудовой миграции на ситуацию в регионе [34], последствия распространения наркомании [35] и т. д.

Однако в рамках регионального подхода к анализу как общих вопросов обеспечения экономической безопасности, так и проблем узкоспециализированного характера фактически вне внимания исследователей оставались правовые и политологические аспекты данного направления анализа. Иными словами, можно утверждать, что ни один рассмотренных центров исследования проблем экономической безопасности не обладает универсальной методологией анализа.

Заключение

Следует признать, что выбор Москвы, Санкт-Петербурга и Екатеринбурга в качестве центров исследования проблем экономической безопасности во многом предопределялся концепцией «трех столиц» (впрочем, у Екатеринбурга немало конкурентов, также претендующих на статус «третьей столицы»). Само собой разумеется, и в других российских регионах также сложились и успешно работают творческие коллективы, исследующие феномен экономической безопасности.

Программы деятельности различных центров неизбежно должны отличаться в деталях, однако сопоставление трех из них показывает, что каждая такая программа содержит или должна содержать аналитические блоки:

— диагностика и оценка угроз безопасности той или иной экономической системы;

— мониторинг состояния экономических систем в условиях воздействия различных угроз;

— меры противодействия угрозам и преодоления (предотвращения) кризисных состояний экономической системы.

Вместе с тем следует признать, что диагностика и мониторинг состояния экономических систем осуществляются на основе очень большого и разнообразного набора индикаторов, минимизировать который не представляется возможным в силу специфики различных объектов анализа (национальная экономика, эко-

номика региона, муниципальное хозяйство). При этом пример уральского центра свидетельствует, что активное использование возможностей экономико-математического моделирования позволяет оперировать большими массивами индикаторов достаточно успешно. Однако наряду с этим увлечение диагностикой отодвигает на второй план выработку механизмов противодействия угрозам экономической безопасности и даже ведет к игнорированию правовых нюансов такого рода деятельности. На значимость анализа именно этих аспектов указывают представители санкт-петербургского центра. Таким образом, только учет опыта коллег из других исследовательских центров может обеспечить каждому из творческих коллективов успешное продвижение в процессе исследования феномена экономической безопасности.

Благодарность

Исследование выполнено в соответствии с планом НИР ФГБУН Института экономики УрО РАН на 2019–2021 гг.

Список источников

1. Берсенёв В. Л. Экономическая безопасность в ретроспективе // Экономика региона. — 2012. — № 2. — С. 219–226.
2. Берсенёв В. Л. Межрегиональная интеграция versus глобализации // Интеграция. Власть, наука, производство. — 2002. — № 1. — С. 37–39.
3. Global Trends and Global Governance / Ed. by P. Kennedy, D. Messner, F. Nuscheler. — Sterling: Pluto Press, 2002. — 208 p.
4. Мирская Е. З. Научные школы. История, проблемы и перспективы // Науковедение и новые тенденции в развитии российской науки. — Вып. 3. / Под ред. А. Г. Аллахвердяна, Н. Н. Семёновой, А. В. Юревича. — М.: Логос, 2005. — С. 244–265.
5. Ярошевский М. Г. Логика развития науки и научная школа // Школы в науке / Под ред. С. Р. Микулинского, М. Г. Ярошевского, Г. Крёбера, Г. Штейнера. — М.: Наука, 1977. — С. 7–97.
6. Гасилов В. В. Научная школа — феномен и исследовательская программа науковедения // Школы в науке / Под ред. С. Р. Микулинского, М. Г. Ярошевского, Г. Крёбера, Г. Штейнера. — М.: Наука, 1977. — С. 119–153.
7. Zissala A. Modeling the invisible college // Journal of the American Society for Information Science and Technology. — 2006. — Vol. 57, No 2. — P. 152–168.
8. Дежина И., Киселёва В. Научные школы. Интеллектуальная капитализация или стагнация? // Мировая экономика и международные отношения. — 2009. — № 1. — С. 43–51.
9. Паньков В. С. Экономическая безопасность. Сущность и проявления // Международная жизнь. — 2010. — № 12. — С. 107–119.
10. Паньков В. Экономическая безопасность. Новые аспекты проблемы // Внешняя торговля. — 1992. — № 6. — С. 26–34.
11. Абалкин Л. Экономическая безопасность России. Угрозы и их отражение // Вопросы экономики. — 1994. — № 12. — С. 4–13.
12. Бухвальд Е., Гловацкая Н., Лазуренко С. Макроаспекты экономической безопасности. Факторы, критерии и показатели // Вопросы экономики. — 1994. — № 12. — С. 25–35.
13. Архипов А., Гордецкий А., Михайлов Б. Экономическая безопасность. Оценки, проблемы, способы обеспечения // Вопросы экономики. — 1994. — № 12. — С. 36–44.
14. Самсонов К. Элементы концепции экономической безопасности // Вопросы экономики. — 1994. — № 12. — С. 14–24.
15. Мильнер Б. Качество управления — важнейший фактор экономической безопасности // Вопросы экономики. — 1994. — № 12. — С. 54–64.
16. Экономическая безопасность. Финансы. Банки / В. К. Сенчагов, Р. А. Белоусов, Н. И. Берзон и др.; ред. Беляева Г. К. — М.: Институт экономики РАН, 1996. — 276 с.

17. Сенчагов В. К. Экономическая безопасность. Геополитика, глобализация, самосохранение и развитие. Кн. 4-я. — М.: Институт экономики РАН; ЗАО «Финстатинформ», 2002. — 128 с.
18. Экономическая безопасность России. Общий курс: учебник / Под ред. В. К. Сенчагова. — 2-е изд. — М.: Дело, 2005. — 896 с.
19. Экономическая безопасность: учеб. пособие / Безденежных Т. И., Дронов Р. В., Ананьев А. А., Прокопец Н. Н. — СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2016. — 91 с.
20. Безденежных Т. И. Стратегические риски и угрозы экономической безопасности // Экономическая безопасность. Стратегические риски и угрозы. III Межвуз. науч.-практ. конф. с междунар. участием: сб. ст. / Под ред. Т. И. Безденежных, Р. В. Дронова, В. В. Шапкина. — СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2016. — С. 8–12.
21. Безденежных Т. И., Шарафанова Е. Е. Экономическая безопасность бизнеса: учеб. пособие. — СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2018. — 99 с.
22. Безденежных Т. И., Шарафанова Е. Е. Выявление и нейтрализация угроз экономической безопасности: учеб. пособие. — СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2018. — 92 с.
23. Дронов Р. В., Кузьмин В. В. Антикоррупционная политика: учеб. пособие. — СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2018. — 65 с.
24. Кириленко В. П., Дронов Р. В. О современных методах нейтрализации коррупционных процессов // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. — 2011. — № 2. — С. 46–53.
25. Кириленко В. П., Дронов Р. В. Коррупция и ее связь с теневой экономикой // Управленческое консультирование. — 2012. — № 3. — С. 28–36.
26. Основы экономической безопасности. Государство, регион, предприятие, личность / Под ред. Е. А. Олейникова. — М.: ЗАО «Бизнес-школа „Интел-Синтез”», 1997. — 288 с.
27. Экономическая безопасность как объект регионального исследования / Татаркин А., Романова О., Куклин А., Яковлев В. // Вопросы экономики. — 1996. — № 6. — С. 78–89.
28. Экономическая безопасность региона. Единство теории, методологии исследования и практики / Татаркин А. И., Романова О. А., Куклин А. А. и др. — Екатеринбург: Изд-во Уральского госуниверситета, 1997. — 240 с.
29. Влияние энергетического фактора на экономическую безопасность регионов Российской Федерации / Татаркин А. И., Богатырёв Л. Л., Мызин А. Л. и др. — Екатеринбург: Изд-во Уральского госуниверситета, 1998. — 288 с.
30. Теневая экономика региона. Диагностика и меры по нейтрализации / Куклин А. А., Сорокин Д. Е., Агарков Г. А. и др.; под ред. А. И. Татаркина, В. Ф. Яковлева. — М.: Экономика, 2004. — 319 с.
31. Куклин А. А., Агарков Г. А., Зыкова Е. А. Теневая экономика и хозяйственный комплекс региона. — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2005. — 169 с.
32. Экономические правонарушения в Уральском федеральном округе. Предупреждение, пресечение, противодействие / Куклин А. А., Астафьев Н. Н., Пантелеев В. Ю., Агарков Г. А. и др.; под ред. А. А. Куклина, М. Н. Зацепина. — Екатеринбург: УрО РАН; Институт экономики, 2005. — 267 с.
33. Социально-демографическая безопасность России / Под ред. В. А. Черешнева, А. И. Татаркина. — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2008. — 864 с.
34. Куклин А. А., Черепанова А. В., Тарасьев А. А. Моделирование потоков трудовых мигрантов в регион. На примере Свердловской области // Уровень жизни населения регионов России. — 2012. — № 3. — С. 79–86.
35. Наркоиммунитет региона. Социально-экономический и медико-биологический аспекты / Татаркин А. И., Куклин А. А., Нифантова Р. В., Быстрай Г. П., Гурбан И. А. и др. — М.: ЗАО «Издательство „Экономика”», 2004. — 324 с.

Информация об авторе

Берсенёв Владимир Леонидович — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института экономики УрО РАН (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д.29; E-mail: colbers@bk.ru).

For citation: Bersenyov, V. L. (2019). Leading Centers of Researching the Problems of Territory's Economic Security. *Ekonomika regiona [Economy of Region]*, 15(1), 29-42

V. L. Bersenyov

Institute of Economics of the Ural Branch of RAS (Ekaterinburg, Russian Federation; colbers@bk.ru)

Leading Centers of Researching the Problems of Territory's Economic Security

The article focuses on comparing research approaches to analyzing the problem of territory's economic security in three leading centers in Moscow, Saint-Petersburg and Ekaterinburg. In this case, research centers are seen not as scientific schools, but as analogues of foreign "Invisible colleges". I found that Moscow economists employ global approach to economic security as they consider the problem on a variety of levels: from national one to the level of a certain enterprise. Each level demands developing its own set of indicators (including threshold ones). Saint-Petersburg researchers prefer a highly specialized approach

focused on economic and legal analysis of criminal aspects of economic security' threats. In the Urals regional approach prevails; however, territory's economic security is assessed not only in general, but in the context of different fields (energy security, social and demographic security, and so on). Another characteristic of regional analysis of economic security's aspects is extensive use of economic and mathematical modelling by Ural academic economists. Based on dialectic comparison of general and specific approaches, it is necessary to find a theoretical and methodological consensus in order to successfully study problems of territory's economic security.

Keywords: economic security, diagnostics, indicator, monitoring, challenges and threats, countermeasures

Acknowledgments

The article has been prepared in accordance with the plan of Institute of Economics of the Ural Branch of RAS for 2019–2021.

References

1. Bersenev, V. L. (2012). Ekonomicheskaya bezopasnost territorii v retrospective [Economic security of the territory in retrospective review]. *Ekonomika regiona [Economy of Region]*, 2, 219–226. (In Russ.)
2. Bersenev, V. L. (2002). Mezhhregionalnaya integratsia versus globalizatsia [Interregional integration versus globalization]. *Integratsia: vlast, nauka, proizvodstvo [Integration: Power, Science, Production]*, 1, 37–39. (In Russ.)
3. Kennedy, P., Messner, D. & Nuscheler, F. (Eds.). (2002). *Global Trends and Global Governance*. Sterling: Pluto Press, 208.
4. Mirskaya, E. Z. (2005). Nauchnye shkoly: istoriya, problemy i perspektivy [Scientific schools: history, problems and perspectives]. In: A. G. Alakhverdyan, N. N. Semenova & A. V. Yurevich (Eds.), *Naukovedenie i novye tendentsii v razvitii rossiyskoi nauki [Science studies and new trends of Russian science' development]* (pp. 244–265). Moscow: Logos. (In Russ.)
5. Yaroshevskiy, M. G. (1977). Logika razvitiya nauki i nauchnaya shkola [Logic of science' development and scientific school]. In: S. R. Mikulinskiy, M. G. Yaroshevskiy, G. Krekber & G. Shteiner (Eds.), *Shkoly v nauke [Schools in science]* (pp. 7–97). Moscow: Nauka. (In Russ.)
6. Gasilov, V. V. (1977). Nauchnaya shkola — fenomen i issledovatel'skaya programma naukovedeniya [Scientific school: phenomenon and science studies' program]. In: S. R. Mikulinskiy, M. G. Yaroshevskiy, G. Krekber & G. Shteiner (Eds.), *Shkoly v nauke [Schools in science]* (pp. 119–153). Moscow: Nauka. (In Russ.)
7. Zuccala, A. (2006). Modeling the invisible college. *Journal of the American Society for Information Science and Technology*, 57(2), 152–168.
8. Dezhina, I. & Kiselyova, V. (2009). Nauchnye shkoly — intellektual'naya kapitalizatsia ili stagnatsia? [Scientific schools: intellectual capitalization or stagnation?]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World Economy and International Relations]*, 1, 43–51. (In Russ.)
9. Pankov, V. S. (2010). Ekonomicheskaya bezopasnost: suchshnost i proyavleniya [Economic security: its essence and manifestations]. *Mezhdunarodnaya zhizn [International Affairs]*, 12, 107–119. (In Russ.)
10. Pankov, V. S. (1992). Ekonomicheskaya bezopasnost: novye aspekty problemy [Economic security: new aspects of the problem]. *Vnesnyaya trgovlya [International trade]*, 6, 26–34. (In Russ.)
11. Abalkin, L. (1994). Ekonomicheskaya bezopasnost Rossii: ugrozy i ikh otrazhenie [Russia's economic security: threats and their repulsion]. *Voprosy ekonomiki*, 12, 4–13. (In Russ.)
12. Bukhvald, E., Glovatskaya, N. & Lazurenko, S. (1994). Makroaspekty ekonomicheskoy bezopasnosti: factory, kriterii i pokazateli [Macroaspects of economic security: factors, criteria and indicators]. *Voprosy ekonomiki*, 12, 25–35. (In Russ.)
13. Arkhipov, A., Gorodetskiy, A. & Mikhailov, B. (1994). Ekonomicheskaya bezopasnost: otsenki, problemy, sposoby obespecheniya [Economic security: assessments, problems, ways of ensuring]. *Voprosy ekonomiki*, 12, 36–44. (In Russ.)
14. Samsonov, K. (1994). Elementy kontseptsii ekonomicheskoy bezopasnosti [Elements of economic security' concept]. *Voprosy ekonomiki*, 12, 14–24. (In Russ.)
15. Milner, B. (1994). Kachestvo upravleniya — vazhneyshiy faktor ekonomicheskoi bezopasnosti [Quality of management as the most important factor of economic security]. *Voprosy ekonomiki*, 12, 54–64. (In Russ.)
16. Senchagov, V. K. (Ed.). (1996). *Ekonomicheskaya bezopasnost. Proizvodstvo — Finansy — Banki [Economic security. Industry — finances — banks]*. Moscow: Institut ekonomiki, 276. (In Russ.)
17. Senchagov, V. K. (2002). *Ekonomicheskaya bezopasnost: geopolitika, globalizatsia, samosokhraneniye i razvitiye. Book 4 [Economic security: geopolitics, globalization, self-preservation and development]*. Moscow: Institut ekonomiki, 128. (In Russ.)
18. Senchagov, V. K. (Ed.). (2005). *Ekonomicheskaya bezopasnost Rossii: Obchshiy kurs [Economic security of Russia: guideline]*. Moscow: Delo, 896. (In Russ.)
19. Bezdenezhnykh, T. I., Dronov, R. V., Ananiev, A. A. & Prokopets, N. N. (2016). *Ekonomicheskaya bezopasnost: Uchebnoe posobie [Economic security: study guide]*. Sankt-Peterburg: SPbGEU Publ., 91. (In Russ.)
20. Bezdenezhnykh, T. I. (2016) Strategicheskie riski i ugrozy ekonomicheskoi bezopasnosti [Strategic risks and threats to economic security]. In: T. I. Bezdenezhnykh, R. V. Dronov, V. V. Shapkin (Eds.), *Ekonomicheskaya bezopasnost: strategicheskie riski i ugrozy [Economic security: strategic risks and threats]* (pp. 8–12). Sankt-Peterburg: SPbGEU Publ. (In Russ.)
21. Bezdenezhnykh, T. I. & Sharafanova, E. E. (2018). *Ekonomicheskaya bezopasnost biznesa: uchebnoe posobie [Economic security of business: study guide]*. Sankt-Peterburg: SPbGEU Publ., 99. (In Russ.)

22. Bezdenzhnykh, T. I. & Sharafanova, E. E. (2018). *Vyyavlenie i neytralizatsiya ugroz ekonomicheskoy bezopasnosti [Identification and neutralization of economic security's threats]*. Sankt-Peterburg: SPbGEU Publ., 92. (In Russ.)
23. Dronov, R. V. & Kuzmin, V. V. (2018). *Antikorrupcionnaya politika: uchebnoe posobie [Anti-corruption policy: study guide]*. Sankt-Peterburg: SPbGEU Publ., 65. (In Russ.)
24. Kirilenko, V. P. & Dronov, R. V. (2011). O sovremennykh metodakh neytralizatsii korruptsionnykh protsessov [On modern methods of corruption's neutralization]. *Gosudarstvennaya sluzhba. Vestnik koordinatsionnogo soveta po kadrovym voprosam, gosudarstvennym nagradam i gosudarstvennoy sluzhbe pri polnomochnom predstavitele prezidenta Rossiyskoy federatsii v severo-zapadnom federalnom okruge [Public Administration]*, 2, 46–53. (In Russ.)
25. Kirilenko, V. P. & Dronov, R. V. (2012). Korruptsiya i ee svyaz s tenevoy ekonomikoy [Corruption and its correlation to shadow economy]. *Upravlencheskoe konsultirovanie [Administrative Consulting]*, 3, 28–36. (In Russ.)
26. Oleynikov, E. A. (Ed.). (1997). *Osnovy ekonomicheskoy bezopasnosti (gosudarstvo, region, predpriyatie, lichnost) [The basics of economic security (state, region, enterprise, person)]*. Moscow: Intel-Sintez, 288. (In Russ.)
27. Tatarkin, A., Romanova, O., Kuklin, A. & Yakovlev, V. (1996). Ekonomicheskaya bezopasnost kak obekt regionalnogo issledovaniya [Economic security as an object of regional research]. *Voprosy ekonomiki*, 6, 78–89. (In Russ.)
28. Tatarkin, A. I., Kuklin, A. A., Romanova, O. A. et. al. (1997). *Ekonomicheskaya bezopasnost regiona: edinstvo teorii, metodologii, issledovaniya i praktiki [Economic security of the region: the unity of theory, methodology, research and practice]*. Ekaterinburg: UrGU Publ., 240. (In Russ.)
29. Tatarkin, A. I., Bogatyrev, L. L., Myzin, A. L. et. al. (1998). *Vliyanie energeticheskogo faktora na ekonomicheskuyu bezopasnost regionov Rossiyskoy Federatsii [Influence of energy factor on economic security of Russia's regions]*. Ekaterinburg: UrGU Publ., 288. (In Russ.)
30. Tatarkin, A. I. & Yakovlev, V. F. (Eds.). (2004). *Tenevaya ekonomika regiona: diagnostika i mery po neytralizatsii [Region's shadow economy: diagnostics and ways of neutralization]*. Moscow: Ekonomika, 319. (In Russ.)
31. Kuklin, A., Agarkov, G. A. & Zykova, E. A. (2005). *Tenevaya ekonomika i khoziaystvennyi kompleks regiona [Shadow economy and region's economic complex]*. Ekaterinburg: Institute of Economics UB RAS Publ., 169. (In Russ.)
32. Kuklin, A. A. & Zatsepin, M. N. (Eds.). (2005). *Ekonomicheskie pravonarusheniya v Uralskom federalnom okruge: preduprezhdenie, presechenie, protivodeistvie [Economic offenses in Ural Federal District: prevention, suppression, counteraction]*. Ekaterinburg: Institute of Economics UB RAS Publ., 267. (In Russ.)
33. Chereshnev, V. A. & Tatarkin, A. I. (Eds.). (2008). *Sotsialno-demograficheskaya bezopasnost Rossii [Russia's social and demographic security]*. Ekaterinburg: Institute of Economics UB RAS Publ., 864. (In Russ.)
34. Kuklin, A. A., Cherepanova, A. V. & Tarasiev, A. A. (2012). Modelirovanie potokov trudovykh migrantov v region (na primere Sverdlovskoy oblasti) [Modeling labor migrants flows into the region. On the example of Sverdlovsk region]. *Uroven zhizni naseleniya regionov Rossii [Living standard of the population of the Russian regions]*, 3, 79–86. (In Russ.)
35. Tatarkin, A. I. (Ch.) (2004) *Narkoimmunitet regiona: sotsialno-ekonomicheskii i medico-biologicheskii aspekty [Region's drug-immunity: social, economic, biological and medical aspects]*. Moscow: Ekonomika, 324. (In Russ.)

Author

Vladimir Leonidovich Bersenyov — Doctor of History, Professor, Leading Research Associate, Institute of Economics of the Ural Branch of RAS (29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: colbers@bk.ru).